

МУНИРА
ВАГИНА

ОПАСНАЯ
ИГРА
ДЖЕКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мунира Вагина

Опасная игра Джека

<https://litres.ru/74530614>

SelfPub; 2026

Аннотация

Муж Сусаны забирает её телефон, запирает двери и уже решил, куда отправить жену «лечиться». Она думает, что хуже быть не может — пока её не похищает мужчина с обожжённым лицом, называющий себя Джеком.

Он уверен: три года назад Сусана предала его и отправила в огонь. Она уверена: Джек погиб. Между ними — ложь Рамона, исчезнувший брат, старое письмо и преступление, которое кто-то слишком долго прятал.

Джек требует правды. Сусана — свободы. Но чем ближе они подбираются к прошлому, тем опаснее становится их притяжение. Она всё ещё жена человека, который не умеет отпускать своё. Джек слишком долго жил мстью. И каждый шаг навстречу друг другу может стоить им жизни.

Когда Рамон начинает охоту, Сусане придётся решить, кому можно доверить себя — мужу, похитителю или только себе. И сделать выбор раньше, чем старый огонь вспыхнет снова.

В книге присутствует нецензурная брань.

Содержание

ГЛАВА 1	4
Дом под замком	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Опасная игра Джека

ГЛАВА 1

Дом под замком

Каждое утро Рамон просил у неё телефон раньше, чем соль.

Сусана клала его справа от своей тарелки, экраном вверх. За столом это место давно считалось положенным, хотя никто не произносил такого правила вслух. Слева лежала льняная салфетка, дальше — серебряный нож для масла. Напротив сидел муж.

— Открой.

Она приложила палец к экрану и подвинула телефон через стол.

За высокими окнами садовник смывал пыль с каменных плит. Струя воды переворачивала опавшие лепестки, гнала их к водостоку. Сусана следила за одним: розовый, с потемневшим краем, он застрял в щели и вздрагивал всякий раз, когда вода проходила поверх него.

Рамон листал её переписку.

— Мать звонила?

— Вчера.

— Я вижу, что вчера. О чём говорили?

— У неё течёт кран на кухне.

Он поднял глаза.

— Одиннадцать минут?

— Ещё болит колено.

— Я предлагал хорошего врача.

Сусана взяла чашку. Кофе успел остыть, на поверхности плавала тонкая плёнка.

— Она помнит.

— Тогда пусть не жалуется.

Он открыл список фотографий. Последним снимком был куст жасмина у стены. Перед ним — книга, раскрытая на странице с рецептом миндального пирога. Ещё раньше — её собственное лицо: Сусана сняла себя случайно, собираясь проверить камеру. На изображении она смотрела вниз, и от этого под глазами лежали тени.

Рамон задержался на снимке.

— Удали. Ты здесь больная какая-то.

Она промолчала. Муж сам коснулся экрана, потом нашёл папку с удалёнными изображениями и стёр фотографию окончательно.

Вошла служанка с подогретым молоком. Чашечка тихо звякнула о блюдец.

— Спасибо, Инес, — сказала Сусана.

Женщина чуть повернула к ней голову, но Рамон уже

спросил:

— Рубашку внизу приготовили?

— Да, сеньор.

— Не эту. Белую.

Инес унесла молочник, хотя Сусана ещё не успела им воспользоваться.

Рамон вернул телефон.

— Вечером приедут гости. Надень зелёное платье.

— Я хотела съездить к матери.

Он намазал масло на хлеб. Тщательно, до самой корки.

— Сегодня?

— Да.

— Зачем?

Сусана поставила чашку на блюдец.

— Посмотреть, как она.

— Для этого есть телефон.

— Я не видела её шесть недель.

Рамон перестал двигать ножом. В столовой стало слышно, как за окном садовник волочит по плитам шланг.

— Не начинай с утра.

Она посмотрела на его руку. Широкое обручальное кольцо немного врезалось в палец; над ним белела полоска кожи. В первые годы Сусана любила целовать это место. Теперь ей казалось странным, что она помнила вкус его руки.

— Я могла бы вернуться к обеду.

— Ты останешься дома.

Он сказал это негромко. Отодвинул тарелку, вытер губы и встал.

Проходя мимо, Рамон коснулся её затылка. Большой палец лёг за ухо, остальные сжали шею — ровно настолько, чтобы она не могла отстраниться незаметно.

— Мне сегодня нужно думать о работе. Не о твоих капризах.

Сусана сидела прямо, пока он не убрал руку.

У входа его ждал начальник охраны. Они обменялись несколькими словами, которых из столовой было не разобрать. Затем хлопнула наружная дверь и почти сразу щёлкнул замок.

Только после этого Сусана выпила остывший кофе.

В доме было восемь выходов, если считать двери на террасы. Она знала каждый. Главный вход открывался изнутри с помощью настенной панели, но её код перестал действовать в феврале. На вопрос об этом Рамон ответил, что охрана меняет систему. Стоял июнь.

Кухонной дверью пользовались слуги. У каждого была маленькая карточка на шнурке; перед уходом её сдавали старшему смены. Стекланные створки в гостиной запирались ключом, балкон в спальне выходил на каменную стену высотой в два человеческих роста. Через сад можно было пройти к воротам, если сначала кто-нибудь выпустит тебя в сад.

Дом не походил на тюрьму. Здесь пахло полированным деревом и срезанными цветами. В ванной подогревался мра-

морный пол, хотя стояло лето; в гардеробной платья висели свободно, не касаясь друг друга. За каждой дверью была вещь, которую когда-то хотелось получить. Теперь Сусана замечала прежде всего сами двери.

Она поднялась наверх и позвонила матери.

Та ответила не сразу. На заднем плане гремела посуда.

— Ты завтракала? — спросила Сусана.

— Конечно. Что у тебя с голосом?

— Только проснулась.

Лгать матери приходилось быстро. Если оставить паузу, начинались вопросы, на которые нельзя было ответить и после которых становилось стыдно за каждый следующий звонок.

— Рамон дома?

— Уехал.

— Передай ему спасибо. Приходил человек из его фирмы, посмотрел замок.

Сусана остановилась посреди спальни.

— Какой замок?

— Входной. Сказал, муж твой беспокоится: район неспокойный, я одна. Очень вежливый мужчина. Обещал прислать мастера.

Она села на край кровати.

— Мам, не открывай людям, которых не знаешь.

— Так он от Рамона.

В коридоре заработал пылесос. Сусана прижала телефон

плотнее.

— Всё равно сначала звони мне.

— Что случилось?

— Ничего. Просто звони.

Мать помолчала.

— Ты приедешь на неделе?

Сусана провела ладонью по покрывалу. Под пальцами скользнул шёлковый шов.

— Постараюсь.

— Я пирог сделаю. Тот, с луком.

— Хорошо.

Она закончила разговор прежде, чем мать успела спросить про брата.

От него не было вестей девять дней. Последнее сообщение состояло из двух слов: «Всё нормально». Сусана перечитывала его столько раз, что уже ненавидела эту чужую беспечность. Три года назад он тоже говорил, что всё будет нормально.

Она убрала телефон в карман и пошла вниз.

На кухне Инес чистила груши. Кожа свисала с ножа длинной неровной лентой. У стены лежали сумки с продуктами, одна раскрылась, и на пол выкатился лимон.

Сусана подняла его.

— Вам что-нибудь приготовить? — спросила служанка.

— Нет. Я хочу выйти.

Нож замер.

— В сад?

— На улицу.

Инес положила грушу на доску. Ей было около пятидесяти; на нижнем веке темнела крошечная родинка. За два года Сусана узнала об этой женщине только то, что у неё есть внучка и что по средам она уходит на час раньше. Больше Инес ничего о себе не рассказывала. В этом доме люди быстро учились не давать лишнего.

— Нужно позвать охрану, сеньора.

— У вас есть карточка.

Служанка машинально закрыла ладонью грудь, где под фартуком висел шнурок.

Сусана почувствовала злость — горячую, постыдную. Хотелось приказать, напомнить, кто здесь хозяйка. Именно так поступил бы Рамон: нашёл того, кто не может возразить.

Она положила лимон рядом с разделочной доской.

— Простите. Позовите, пожалуйста.

Пришёл молодой охранник с тщательно выбритой шеей. На переносице у него краснел след от очков.

— Вы хотели пройти в сад?

— Я хотела выйти из дома. Прогуляться.

— Машина не заказана.

— Я умею ходить.

Он посмотрел на Инес. Та снова взяла нож, но чистить не стала.

— Мне нужно согласовать.

— С кем?

Охранник молчал.

Сусана подошла к двери. У неё была простая стальная ручка, тёплая от утреннего солнца. Она нажала — не потому, что надеялась открыть, а чтобы человек рядом увидел это движение и понял всю нелепость происходящего.

Язычок замка стукнул о металл.

— Откройте.

— Сеньора, пожалуйста, не ставьте меня...

— Я прошу открыть дверь.

Он отступил, освобождая ей место, которого она не просила. Сусана заметила, как его правая рука легла на переговорное устройство у пояса.

Ей стало холодно.

Три года назад Рамон показал ей фотографию обгоревшего склада. Не тела, не оружие — чёрные балки и ворота, вывернутые наружу. Он тогда долго держал снимок перед ней, хотя она уже сказала, что всё видит.

«Вот что бывает, когда ты решаешь сама».

Эту фразу он больше не повторял. Не было нужды.

Сусана отпустила ручку.

— Я поняла.

Она вышла из кухни, стараясь не ускорять шаг. За спиной негромко заговорил охранник. Её телефон зазвонил, когда она дошла до лестницы.

Рамон.

Она ответила.

— Тебе скучно? — спросил он.

В трубке слышался ровный шум дороги.

— Мне хотелось пройтись.

— Тебе открывают сад каждый день.

— Под присмотром.

— После того, что ты натворила, тебе вообще стоит радоваться, что я...

Он оборвал фразу. Сусана остановилась у окна между этажами. На стекле сидела муха, тяжёлая, с синеватым брюшком. Билась о солнечный прямоугольник, отлетала, возвращалась.

— Что — ты? — спросила Сусана.

Муж молчал несколько секунд.

— Сегодня вечером будь в порядке. Не заставляй меня повторять.

Связь прервалась.

Сусана ещё немного постояла у окна, потом отворила узкую верхнюю створку. Ручка поддавалась с трудом: этой форточкой, наверное, не пользовались годами. В щель вошёл горячий воздух. Муха поползла в другую сторону.

Пришлось подталкивать её сложенным носовым платком.

К вечеру Инес принесла зелёное платье из гардеробной и положила на кровать. Рядом поставила коробку с туфлями.

— Сеньор просил ужин на восемь.

— Сколько гостей?

— Двое.

— Вы знаете кто?

Женщина покачала головой.

Сусана оделась сама. Молния между лопатками заедала; она долго тянула её, выгнувшись, и в конце концов защемила кожу. Короткая боль оказалась почти приятной своей понятностью. Есть зубцы, есть кожа. Никакого скрытого смысла.

В зеркале стояла женщина в дорогом платье. Открытые плечи, гладко убранные волосы, серьги с небольшими изумрудами. Под левым ухом проступило красное пятнышко. Сусана припудрила его, потом стёрла пудру ватным диском и оставила как есть.

Гости приехали без десяти восемь: седой мужчина с припухшими веками и его дочь, женщина лет тридцати, в белом брючном костюме. Рамон встретил их у дверей, обнял мужчину за плечи и поцеловал протянутую женскую руку.

— Моя жена, Сусана.

Седой кивнул так, словно получил подтверждение уже известному факту.

— Много о вас слышал.

Его дочь улыбнулась. На Рамона она посмотрела чуть дольше, чем требовало приветствие.

За ужином говорили о земле за городом, о новом здании суда, о человеке, которого все называли только по фамилии. Сусана знала, что гость — судья: его лицо несколько раз появлялось в новостях. При ней он ел рыбу, тщательно выби-

рая кости, и жаловался на бессонницу.

Рамон был оживлён. Подливал вино, смеялся, задавал вопросы дочери судьи. Та рассказывала о доме, который хотела перестроить: убрать тёмные стены, раскрыть окна, снести ненужные перегородки.

— Пространство должно принадлежать человеку, а не наоборот, — сказала она.

Сусана посмотрела на мужа.

Он встретил её взгляд и положил ладонь ей на колено под столом.

— Ты почти не ешь.

— Не хочется.

— У Сусаны в последнее время нервы, — объяснил он гостям. — Врач советует покой.

Судья сочувственно наклонил голову.

— Море. Обязательно отправьте её к морю.

— Я как раз подбираю место.

Пальцы Рамона сжались на её колене.

Сусана положила вилку. Ей захотелось спросить, где находится это место, кто там будет держать ключи и сообщать ли её матери новый адрес. Вопросы теснились за зубами. Она глотнула воды.

— Я не знала, что уезжаю.

Дочь судьи опустила глаза к тарелке.

Рамон улыбнулся.

— Хотел сделать сюрприз.

Больше к этому не возвращались. Подали десерт, потом кофе. Седой гость попросил показать коллекцию оружия, и мужчины ушли в кабинет.

Женщины остались в гостиной.

Несколько минут они слушали, как Инес убирает посуду. Дочь судьи провела пальцем по краю бокала.

— У вас красивый дом.

— Да.

— Наверное, трудно за таким следить.

— Этим занимаются другие люди.

Гостья поправила манжету. Её запонка была расстёгнута.

— Вы надолго уезжаете?

Сусана посмотрела на неё.

— А вам что сказали?

Та подняла голову. Впервые за вечер улыбка исчезла с её лица.

Из кабинета донёсся смех Рамона.

— Простите, — произнесла гостья. — Я, кажется, неправильно поняла.

Сусана больше ничего не спросила.

Проводив гостей, муж вернулся в спальню. Она сидела у туалетного столика и снимала серьги.

— Не надо было устраивать сцену.

Изумруд выскользнул из пальцев и упал на ковёр. Сусана наклонилась, нашла его у ножки стула.

— Я задала вопрос.

— Ты прекрасно понимаешь, о чём я.

Он расстегнул часы.

— Куда я еду?

— Мы поговорим завтра.

— Это лечебница?

Рамон положил часы на комод. Медленно повернулся.

— Если будешь вести себя так, понадобится лечебница.

Она поднялась. Между ними стояла маленькая скамья с бархатным сиденьем. Почему-то Сусана была благодарна этой вещи.

— Что ты рассказал им обо мне?

— Достаточно.

— А мне?

Он шагнул ближе. Она не отступила, хотя живот свело так сильно, что пришлось задержать дыхание.

Рамон посмотрел на её голые плечи, на серьгу, которую она всё ещё держала.

— Я три года разгребая твоё дерьмо. Оберегаю тебя. Твою мать. Брата. А ты решила, что можешь допрашивать меня в моём доме?

Сусана разжала пальцы. Острый штифт оставил на ладони маленькую ямку.

— В твоём, — повторила она.

— Хорошо, что ты это помнишь.

Он вышел, забрав её телефон с туалетного столика.

Замок щёлкнул снаружи.

Сусана подошла не сразу. Сначала положила серьгу в коробку, закрыла крышку, поправила туфлю, упавшую набок. Потом пересекла спальню и взялась за ручку.

Заперто.

Раньше он закрывал выходы из дома. Иногда оставлял охранника у лестницы. Но дверь спальни ещё никогда не заперал.

Она прижала ладонь к дереву. По другую сторону удалялись шаги; внизу зазвонил телефон, кто-то ответил.

Сусана открыла рот, чтобы позвать мужа, и не произнесла ни звука.

У туалетного столика она выдвинула нижний ящик. Под коробками с лентами лежал старый бумажный календарь, подаренный матерью. Почти все страницы оставались чистыми.

На сегодняшней дате Сусана написала карандашом: «Запер меня в спальне. Забрал телефон. Сказал гостям, что отправит меня лечиться. Я не соглашалась».

Перечитала. Добавила имя судьи.

Потом вырвала лист, сложила его вчетверо и спрятала за подкладку дорожной сумки, там, где давно разошёлся шов.

Вещи в этом доме принадлежали Рамону. Сусана пока не знала, куда сумеет унести этот клочок бумаги. Но впервые за долгое время у неё появилось нечто, чего он не должен был найти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.